

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № 84/2021
в отношении адвоката Н.

15.09.2022

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб) в составе ... в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 15.09.2022 в закрытом заседании в очно-заочной форме с использованием сервиса видеоконференций «ZOOM» дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов Санкт-Петербурга), возбуждённое 20.08.2021 Президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – АП СПб) ...

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении Н. послужила жалоба Б.Т. и Б.С., поступившая в АП СПб 02.07.2021; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 30.08.2021.

Из жалобы следует, что Б.Т. и Б.С. являются доверителями адвоката Н. Это обстоятельство было установлено Заключением Квалифкомиссии от 25.07.2019 и Решением Совета АП СПб от 19.11.2019, вынесенными по жалобе, которую Б.Т. ранее направляла в отношении адвокатов Н. и Г.

Как указывают Б.Т. и Б.С., в 2019 г. Квалифкомиссия и Совет АП СПб, оценивая обстоятельства приобретения дорогостоящего имущества заявителей адвокатами Н. и Г., пришли к выводу об отсутствии в их действиях нарушений этических требований к адвокатской профессии.

Однако Постановлением Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда (далее – 13 ААС) от ... по делу № ... установлено, что¹: «Оспариваемый в рамках настоящего дела договор купли-продажи 100% долей в ООО ... был заключен Б.С. 18.11.2018², после введения в АО ... Временной администрации и после возникновения задолженности перед АО ..., которая не была оплачена. Такие действия являются злоупотреблением правом. Более того, как было указано выше, Н., оказывая истцу консультационные и юридические услуги не мог не знать о реальном намерении Б.С. по совершению действий по отчуждению доли, в связи с чем, ответчика нельзя признать добросовестным приобретателем. Таким образом, апелляционная коллегия, учитывая всю совокупность представленных в материалы дела доказательств, пояснений сторон, их истинного намерения и поведения при заключении сделки, полагает, что договор купли-продажи 100% долей в уставном капитале ООО ... от 16.11.2018г., заключенный между Б.С. и Н. является ничтожной мнимой сделкой в силу п. 1 ст. 170 ГК РФ»; «ни истец, ни ответчик, будучи осведомленными о целях, обстоятельствах, а также сопутствующих рисках совершения оспариваемой сделки, не могут быть признаны судом добросовестными сторонами по ней».

¹ Здесь и далее в кавычках приводится текст оригинала; орфография и пунктуация оригинала сохранены – прим. Совета АП СПб.

² Здесь, а также в тексте Заключения Квалифкомиссии от 23.12.2021 встречается неверная дата заключения договор купли-продажи 100% долей в ООО «...» – 18.11.2018; верной является дата 16.11.2018.

Вышеуказанное Постановление 13 ААС от ... по делу № ... было оставлено без изменения Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа (далее – АССЗО) от ...

Таким образом, по мнению заявителей, вступившим в законную силу судебным актом установлено недобросовестное поведение адвоката Н., выразившееся в том, что он, понимая, в силу оказания Б.С. правовой помощи, характер действий с имуществом своего доверителя, не основанные на законе цели указанных действий, выступил недобросовестной стороной в недействительной (ничтожной) мнимой сделке с имуществом своего доверителя, получив указанное имущество в свою собственность, а затем удерживал указанное имущество до вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда.

Податели жалобы указывают, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, ранее не были и не могли быть учтены Квалифкомиссией и Советом АП СПб, поскольку вышеупомянутые судебные акты были вынесены после рассмотрения дисциплинарного дела в отношении адвокатов Н. и Г.

В настоящее время, т.е. уже после рассмотрения дисциплинарного дела, арбитражный суд дал фактическую и правовую оценку «добросовестности контрагентов», включая действия Н. как контрагента Б.С. Однако этическая оценка его действиям как адвоката так и не была дана Квалифкомиссией и Советом АП СПб.

Б.Т. и Б.С. просят привлечь адвоката Н. к дисциплинарной ответственности и применить к нему дисциплинарное взыскание в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Н. в своих возражениях от 17.09.2021, поданных его представителем по доверенности Н.Э., указывает, что производство по данной жалобе подлежит прекращению по следующим основаниям. Б.Т. и Б.С. фактически просят пересмотреть ранее вынесенное Заключение Квалифкомиссии и Решение Совета АП СПб в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, которыми являются Постановление 13 ААС от ... и Постановление АС СЗО от ... по делу № Однако отмена или изменение решения о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности диспозицией ст. 25 КПЭА не предусмотрены. Таким образом, в случае вынесения Квалифкомиссией заключения, предусмотренного п. 1 ч. 9 ст. 23 КПЭА, у Квалифкомиссии фактически отсутствует законная возможность для пересмотра решения Совета по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Кроме того, в своих возражениях адвокат Н. обращает внимание на следующий вывод суда апелляционной инстанции: «Вопреки доводам ответчика, отсутствие у покупателя на момент совершения оспариваемой сделки намерения вернуть спорное имущество не имеет правового значения, поскольку в рамках мнимого договора купли-продажи не происходит реальная передача правомочий собственника от продавца покупателю, а значит, стороны изначально исходят из отсутствия фактического выбытия вещи из господства продавца». По мнению Н., из Постановления 13 ААС прямо следует, что именно Б.С. злоупотребил своим правом на отчуждение долей в уставном капитале ООО ...

Недействительная сделка не влечёт иных последствий, кроме связанных с её недействительностью. Как настаивал в суде сам истец БС, и в этом был поддержан судами апелляционной и кассационной инстанций, он и после совершения оспариваемой сделки не утрачивал фактического контроля над ООО ... Поэтому в вину адвокату Н. может быть поставлено только участие в недействительной (мнимой) сделке, которая была совершена 16.11.2018, то есть к настоящему времени с момента совершения дисциплинарного проступка прошло более 2 (двух) лет.

В своём первоначальном Заключении от 23.12.2021 Квалифкомиссия указала на необходимость прекращения дисциплинарного производства:

- по жалобе Б.Т. – в следствие обнаружившегося в ходе дисциплинарного разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- по жалобе Б.С. – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Решением Совета АП СПб от 12.04.2022 дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. было направлено в Квалифкомиссию для нового разбирательства в связи с неполным исследованием и оценкой всех имеющих значение обстоятельств. При этом Совет АП СПб не согласился с выводом Квалифкомиссии об отсутствии в действиях адвоката признаков длящегося дисциплинарного проступка и дал ряд дополнительных указаний по рассмотрению дисциплинарного дела.

В частности, при новом рассмотрении дела Квалифкомиссией Совет АП СПб указал на необходимость:

- дать правовую оценку всем указанным в жалобе действиям (бездействию) адвоката на предмет их соответствия профессионально-этическим нормам;

- тщательно исследовать содержание представленных сторонами судебных актов с целью выявления юридически значимых для разрешения дисциплинарного производства обстоятельств;

- установить характер выявленных дисциплинарных нарушений, начало течения срока давности применения мер дисциплинарной ответственности и его окончания;

- проверить, не истек ли срок давности применения дисциплинарной ответственности к моменту возбуждения дисциплинарного производства, и если не истек, то вынести заключение по существу.

В соответствии с Заключением Квалифкомиссии от 23.06.2022 адвокатом Н. допущено нарушение:

- взаимосвязанных требований:

- п. 2 ст. 5 КПЭА (*Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре*);

- подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА (*Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне*);

- подп. 8 п. 1 ст. 9 КПЭА (*Адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь*).

Нарушение выразилось в том, что, адвокат Н., будучи осведомленным, что на имущество доверителя Б.С. может быть обращено взыскание в рамках привлечения последнего к субсидиарной ответственности, имея личный интерес, направленный на приобретение имущества доверителя, 16.11.2018 заключил с Б.С. договор купли-продажи принадлежащих доверителю 100% долей в ООО ...; в последующем указанная сделка была оспорена доверителем и признана судом недействительной. Тем самым адвокат Н. совершил действия, направленные к подрыву к нему доверия.

В то же время Квалифкомиссия установила, что к моменту возбуждения дисциплинарного производства по жалобе Б.С. установленный п. 5 ст. 18 КПЭА (в редакции, действовавшей на момент совершения дисциплинарного проступка) предельный двухлетний срок³ привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности по такому нарушению истёк, поскольку указанные нарушения были совершены адвокатом Н. в момент заключения спорной сделки, то есть 16.11.2018.

³ В Заключением Квалифкомиссии от 23.12.2021 ошибочно указано на истечение предельного шестимесячного срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

- взаимосвязанных требований:
- подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА (*Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне*),
- п. 1 ст. 10 КПЭА (*Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом*),
- п. 2 ст. 5 КПЭА (*Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре*) и
- п. 5 ст. 9 КПЭА (*В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения*).

Нарушение выразилось в том, что, адвокат Н., будучи осведомленным, что на имущество доверителя Б.С. может быть обращено взыскание в рамках привлечения последнего к субсидиарной ответственности, 16.11.2018 заключил с Б.С. договор купли-продажи принадлежащих доверителю 100% долей в ООО ...; в последующем указанная сделка была оспорена доверителем и признана судом недействительной. Таким образом, приняв на себя юридическое владение имуществом, в том числе и с целью обеспечения невозможности обращения на него взыскания по долгам своего доверителя, адвокат Н. оказался в положении лица, осознанно участвующего в противоправном поведении. В свою очередь, подобное поведение привело к подрыву доверия в отношении такого адвоката в глазах любого разумного и осведомленного третьего лица и, как следствие, к подрыву авторитета адвокатуры.

Кроме этого, Квалифкомиссия указала, что рассматривает дисциплинарное дело лишь в пределах доводов жалобы Б.С., поскольку предыдущее Заключение Квалифкомиссии (от 23.12.2021) в части необходимости прекращения дисциплинарного производства по жалобе Б.Т. в связи с отсутствием в КПЭА норм, позволяющих Квалифкомиссии пересматривать дисциплинарное дело по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, Советом не переоценивалось.

Представитель адвоката Н. – адвокат Н.Э. в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, направил в Совет АП СПб письменное заявление о несогласии с Заключением Квалифкомиссии, в котором отметил противоречивость и необоснованность изложенных в заключении выводов, в том числе о делящемся характере нарушения; указал на то, что Квалифкомиссия вышла за пределы жалобы заявителя; настаивал на необходимости прекращения дисциплинарного производства в связи с истечением сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности.

Представитель заявителей – адвокат М. направил в Совет АП СПб заявление, в котором просил приобщить к материалам дисциплинарного производства копию договора возмездного оказания юридических услуг от 27.01.2020 между ООО ... и ООО ... с дополнительным соглашением и платёжные поручения.

Перед началом рассмотрения дисциплинарного производства член Совета АП СПб ... заявил о самоотводе, поскольку ранее оказывал юридическую помощь одной из сторон дисциплинарного производства. В связи с этим в обсуждении и голосовании ... участия не принимал.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 15.09.2022.

Представители сторон – адвокаты Н.Э. и М. – приняли участие в заседании Совета АП СПб, поддержали ранее представленные доводы и объяснения, ответили на вопросы членов Совета.

Кроме этого, адвокат Н.Э. заявил о заинтересованности в исходе настоящего дела со стороны членов Совета АП СПб ..., поскольку они ранее оказывали юридическую помощь Б.С.

Адвокат М. заявил о заинтересованности в исходе настоящего дела со стороны члена Совета АП СПб ..., поскольку ранее он являлся представителем адвоката Н. по вопросу урегулирования настоящего спора.

При этом адвокаты Н.Э. и М. отводов членам Совета АП СПб не заявили, но просили учесть эти обстоятельства при принятии решения.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, в том числе дополнительно представленные, обсудив Заключение Квалифкомиссии и доводы заявления о несогласии с ним, соглашается с содержащимися в Заключении выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах, которым дана надлежащая юридическая оценка при правильном толковании норм действующего законодательства и КПЭА.

Так, согласно Заключению Квалифкомиссии, между Б.Т. и ООО ... 24.09.2018 был заключён «Рамочный договор возмездного оказания юридических услуг № ...; 01.11.2018 заключено «Дополнительное соглашение к договору возмездного оказания юридических услуг № ... от 24.09.2018».

В соответствии с п. 2 Дополнительного соглашения Исполнитель принимает на себя «Дополнительные услуги»:

- организация и сопровождение оформления визы в визовом центре СПб для Заказчика и его близких;

- юридические консультации, в том числе ведение дел в судах общей юрисдикции, а также правоохранительных органах в отношении Заказчика, Б.С., З.А., АО ..., ООО ..., ООО ..., ООО ... и иных третьих лиц, указанных Заказчиком.

Адвокатское Бюро ... в лице управляющего партнера Н. заключило 25.09.2018 Соглашение № ... об оказании юридической помощи с ООО ... в лице генерального директора ООО Д.О., в соответствии с которым АБ ... обязалось оказывать юридическую помощь лицу, назначенному доверителем, а доверитель обязался выплатить АБ ... вознаграждение за эту помощь и возместить понесённые расходы. К данному Соглашению стороны подписали «Приложение №1», по которому лицом, назначенным доверителем, указана Б.Т. Предметом оказания юридической помощи являлось: предоставление устных и письменных юридических консультаций по вопросам гражданского, налогового, коммерческого, административного, трудового и уголовного права; составление юридических документов.

Аналогичные Соглашения с соответствующими Приложениями между сторонами были заключены:

- 06.11.2018 – в пользу ООО ...;
- 06.11.2018 – в пользу Б.С.;
- 16.11.2018 – в пользу Б.Т. и Б.С.;
- 03.12.2018 – в пользу ООО ...;
- 10.12.2018 – в пользу ...

Сославшись на положения п.п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и ст. 430 ГК РФ, Квалифкомиссия пришла к выводу, что наличие такой правовой конструкции как «договор в пользу третьего лица» даёт возможность адвокатам вступать в договорные отношения не непосредственно с получателем юридической помощи, а с иным

лицом, взявшим на себя заботу по организации и кредитованию такой помощи, – кредитором.

В связи с изложенным и в соответствии с п. 1 ст. 6.1 КПЭА Квалифкомиссия заключила, что Б.Т. и Б.С. справедливо считают себя доверителями адвоката Н.

Комиссия установила, что 16.11.2018 Б.С. с согласия супруги Б.Т. был заключён договор купли-продажи с Н. на покупку 100% доли в уставном капитале ООО ... стоимостью ... руб.

Суд апелляционной инстанции – 13 ААС – Постановлением от ... по делу № ... признал указанный договор недействительной (мнимой) сделкой, установив следующее:

- «...оспариваемый в рамках настоящего дела договор купли-продажи 100 % долей в ООО ... был заключен Б.С. 18.11.2018, после введения в АО ... Временной администрации и после возникновения задолженности перед АО ..., которая не была оплачена. Такие действия являются злоупотреблением правом. Более того, как было указано выше, Н., оказывая истцу консультационные и юридические услуги не мог не знать о реальном намерении Б.С. по совершению действий по отчуждению доли, в связи с чем, ответчика нельзя признать добросовестным приобретателем»;

- «Таким образом, апелляционная коллегия, учитывая всю совокупность представленных в материалы дела доказательств, пояснений сторон, их истинного намерения и поведения при заключении сделки, полагает, что договор купли-продажи 100 % долей в уставном капитале ООО ... от 16.11.2018 г., заключенный между Б.С. и Н. является ничтожной мнимой сделкой в силу п. 1 ст. 170 ГК РФ»;

- «в настоящем случае ни истец, ни ответчик, будучи осведомленными о целях, обстоятельствах, а также сопутствующих рисках совершения оспариваемой сделки, не могут быть признаны судом добросовестными сторонами по ней».

Оценивая указанный договор с позиций требований КПЭА и с учётом данных сделке арбитражными судами правовых оценок, Квалифкомиссия пришла к правомерному выводу о наличии в действиях адвоката Н. признаков дисциплинарного проступка в связи со следующим.

В соответствии с требованиями подп. 8 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь.

Содержащиеся в данной профессионально-этической норме указание на не исчерпывающий перечень способов приобретения имущества или прав, а также отсылка к такому объемному понятию как «личный интерес», дают юридические основания для её расширительного толкования.

В связи с этим, анализируя действия адвоката по признакам нарушения положений подп. 8 п. 1 ст. 9 КПЭА, Квалифкомиссия под приобретением прав обоснованно рассматривала получение адвокатом любой реальной возможности влиять на юридическую судьбу вещи – предмета спора, и/или фактически использовать её по своему усмотрению.

При этом, как справедливо отметила Квалифкомиссия, действие указанной нормы может быть распространено и на имущество, которое хоть и не являлось предметом судебного спора на момент его приобретения, но могло стать им впоследствии (при условии, что адвокату было известно о возможном заявлении правопритязаний на имущество доверителя со стороны третьих лиц)⁴.

Совет АП СПб солидарен с Квалифкомиссией во мнении, что данная позиция основана, в числе прочего, и на толковании указанной профессионально-этической нормы посредством установления «воли законодателя», то есть максимально точного определения того, какую сферу профессиональных правоотношений она (норма) регулирует и на защиту каких базовых профессионально-этических принципов была направлена при её принятии.

Так адвокат, будучи лицом, обладающим знаниями и опытом в вопросах содержания действующих правовых норм и существующей практики правоприменения, безусловно имеет

⁴ Заключение Квалификационной комиссии АП СПб по дисциплинарному производству в отношении адвоката Б. (2021 год).

более ясное представление о перспективах конкретного имущественного спора, чем его доверитель, не обладающий такими специальными познаниями в области права. Подобная изначально неравная осведомленность сторон о необходимости и последствиях совершения сделки, о справедливой цене, о реальности угрозы утраты спорного имущества очевидно создает предпосылки для злоупотребления «сильной» стороной своим преимущественным положением, что прямо запрещено адвокату подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА.

Применение критерия «разумного мнения осведомленного третьего лица» позволило Квалифкомиссии прийти к правильному выводу, что совершение адвокатом сделки со спорным имуществом доверителя очевидно порождает обоснованные сомнения в добросовестности поведения последнего, что, в свою очередь, ведёт к утрате доверия. Из изложенного следует, что императивные нормы подпунктов 1 и 8 п. 1 ст. 9 КПЭА направлены на защиту фундаментального принципа профессионально-этического регулирования адвокатской деятельности – принципа недопустимости поведения адвоката, ведущего к подрыву доверия к нему лично и к адвокатской профессии в целом, закреплённого в ст. 5 КПЭА.

Как уже указывалось выше, при наличии оснований полагать, что принадлежащее доверителю имущество с высокой степенью вероятности станет предметом правопритязаний со стороны иных лиц, вступление адвоката, оказывающего юридическую помощь по иным вопросам правового характера, в сделку с доверителем по приобретению находящегося под такой угрозой имущества, влечёт последствия аналогичные рассмотренным выше.

Из изложенного следует, что адвокат Н., будучи осведомлённым о банкротстве ..., одним из конечных бенефициаров которого являлся его доверитель Б.С., в силу наличия у него (Н.) юридического образования и профессионального опыта, не мог не знать, что на имущество доверителя может быть обращено взыскание в рамках привлечения Б.С. к субсидиарной ответственности.

В связи с этим Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией усматривает в действиях адвоката Н. нарушение профессионально-этических норм, установленных п. 2 ст. 5 и подпунктами 1 и 8 п. 1 ст. 9 КПЭА.

В то же время, Квалифкомиссия верно обратила внимание на следующее важное обстоятельство. Как следует из пояснений сторон и содержания судебных актов по делу № ..., допущенные адвокатом Н. нарушения требований указанных выше норм КПЭА были совершены в момент заключения спорной сделки – договора купли-продажи 100% долей в ООО ..., то есть 16.11.2018.

Из изложенного следует, что к моменту возбуждения дисциплинарного производства по жалобе Б.С. (20.08.2021) установленный п. 5 ст. 18 КПЭА (в редакции, действовавшей на момент совершения дисциплинарного проступка) предельный шестимесячный срок привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности по такому нарушению истёк.

Согласно абз. 10 п. 1 ст. 25 КПЭА прекращение дисциплинарного производства по основанию, указанному в подпункте 6 пункта 1 указанной статьи, не допускается, если адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, возражает против этого. В этом случае дисциплинарное производство продолжается в обычном порядке.

Однако по настоящему делу таких возражений заявлено не было. Более того, сам адвокат Н. указывал на пропуск заявителем соответствующего срока. Данные обстоятельства в соответствии с указанными положениями КПЭА являются самостоятельным основанием для прекращения дисциплинарного производства в части рассмотренных выше нарушений.

Оснований не согласиться с таким выводом Квалифкомиссии у Совета АП СПб не имеется.

Согласно подп. 6 п. 1 ст. 25 КПЭА Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией.

Совет АП СПб принимает решение о прекращении дисциплинарного производства в данной части по указанному основанию.

Далее. Квалифкомиссия, как и при первом рассмотрении дисциплинарного дела, не согласилась с доводами подателя жалобы о том, что действия адвоката Н., выразившиеся не только в приобретении им по заниженной цене принадлежащего им имущества – доли в уставном капитале ООО ..., но и в удержании этого имущества за собой после предъявления к нему Б.С. исковых требований, представляет собой длящееся правонарушение.

При этом Квалифкомиссия указала, что в гражданско-правовом споре, который уже рассматривается в суде, распоряжение ответчиком всеми средствами процессуальной защиты, предоставленными ему законом, как то: представление в дело возражений, доказательств, заявление ходатайства о приостановлении судебного акта и т.д., никак не может быть поставлено ему в упрёк. В противном случае речь может идти об ограничении или даже о лишении лица права на судебную защиту; между тем, это право является конституционно значимым (ст.ст. 46, 47 Конституции РФ). После того, как доверитель Б.С. прибегнул к судебному способу истребования имущества из юридического владения адвоката Н., последний не мог быть ущемлён в своем праве на судебную защиту лишь в силу наличия у него специального – адвокатского – статуса. В силу изложенного, Квалифкомиссия обоснованно не усмотрела признаков дисциплинарного проступка в действиях (бездействии) адвоката, фактически выражавшихся (по утверждению подателя жалобы) в отказе от признания предъявленного к нему Б.С. иска.

При этом, критически оценивая действия адвоката Н. в указанной ситуации, Квалифкомиссия, тем не менее, справедливо не смогла рассматривать Б.С. в качестве жертвы обмана со стороны адвоката, поскольку, как следует из содержания Постановления 13 ААС, «в настоящем случае ни истец, ни ответчик, будучи осведомленными о целях, обстоятельствах, а также сопутствующих рисках совершения оспариваемой сделки, не могут быть признаны судом добросовестными сторонами по ней».

В то же время, при новом рассмотрении Квалифкомиссия пересмотрела ранее данную оценку действий адвоката Н., учитывая следующее.

Профессионально-этические нормы, в частности подп. 1 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 10 КПЭА, охраняют не только интересы доверителя, но и такие ценности, как закон и нравственность, на которые прямо ссылаются. Как уже было указано ранее, Квалифкомиссия установила, что адвокат, будучи осведомленным о банкротстве ..., одним из конечных бенефициаров которого являлся его доверитель, не мог не знать, что на имущество доверителя (в том числе на доли, ставшие предметом впоследствии признанного недействительным договора купли-продажи) может быть обращено взыскание в рамках привлечения доверителя к субсидиарной ответственности.

На эти обстоятельства было прямо указано и в Постановлении АССЗО от ...: «Реальной целью вступления Н. и Б.С. в правоотношения по оспариваемой сделке являлось не достижение соответствующих ей правовых последствий, а обеспечение невозможности обращения взыскания на 100% долей в уставном капитале ООО ... в рамках исполнения судебного акта о привлечении Б.С. к субсидиарной ответственности по обязательствам

В соответствии с положением, закреплённым в п. 1 ст. 10 КПЭА, закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя.

Квалифкомиссия верно указала, что из смысла и содержания данной профессионально-этической нормы следует, что одной из публичных функций адвокатской профессии является демонстрация её членами исключительно правовой модели поведения и поступков, отвечающих общепринятым в обществе представлениям о нравственности и морали.

Пренебрежительное отношение адвоката к данным требованиям, помимо п. 1 ст. 10 КПЭА, вступает в противоречие и с положениями п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат обязан избегать любых действий (бездействия), способных нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие как к данному адвокату, так и к адвокатской профессии в целом.

Таким образом, приняв на себя юридическое владение имуществом, в том числе и с целью обеспечения невозможности обращения на него взыскания по долгам своего доверителя, адвокат оказывается в положении лица, осознанно участвующего в

противоправном поведении. В свою очередь, подобное поведение безусловно ведёт к подрыву доверия в отношении такого адвоката в глазах любого разумного и осведомленного третьего лица и, как следствие, к подрыву авторитета адвокатуры.

Оснований не согласиться с таким мнением Квалифкомиссии у Совета АП СПб не имеется.

Применительно к данному делу, и с учётом обязательного опубликования судебных актов арбитражных судов РФ на общедоступном Интернет-ресурсе kad.arbitr.ru, с момента размещения на указанном ресурсе полного текста Постановления суда апелляционной инстанции по делу № ... (с ...) о противоправном поведении Н. стало известно широкому кругу лиц. При этом на принадлежность Н. к адвокатскому сообществу было прямо указано в тексте данного судебного акта, что позволяет говорить о состоявшемся нарушении адвокатом положений п. 5 ст. 9 КПЭА.

Квалифкомиссия пришла к правомерному выводу, что при этом противоправность поведения адвоката Н. (противоречие требованиям закона, правам и законным интересам иных лиц) очевидно носила длящийся характер и оканчивалась лишь в момент прекращения указанного ранее юридического владения «укрываемым» имуществом, то есть, применительно к доле в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, – с даты внесения соответствующих сведений в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ЕГРЮЛ). Такие сведения (о прекращении владения Н.) в отношении 100% доли в уставном капитале ООО ... были внесены в ЕГРЮЛ лишь 04.08.2021. Следовательно, с указанной даты и должно было определяться начало течения срока применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности по данному дисциплинарному проступку.

В то же время, дисциплинарное производство по настоящему делу было возбуждено 20.08.2021. Поскольку к моменту возбуждения дисциплинарного производства установленный действующей редакцией КПЭА срок не только не истёк, но и не начал своё течение, дисциплинарное дело правомерно было рассмотрено Квалифкомиссией по существу.

Совет АП СПб соглашается с выводами Квалифкомиссии о допущенных адвокатом Н. нарушениях норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА, а также с применённой Квалифкомиссией квалификацией этих нарушений.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 настоящего Кодекса.

С учётом изложенного Совет АП СПб приходит к выводу, что в результате дисциплинарного производства вне разумных сомнений установлены факты ненадлежащего профессионального поведения адвоката Н. при обстоятельствах, изложенных выше.

Совет АП СПб признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Н. в указанной части дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении дисциплинарного проступка – установленной.

При определении в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА меры дисциплинарной ответственности Совет АП СПб учитывает тяжесть совершенного проступка, обстоятельства его совершения, форму вины, иные обстоятельства, признанные Советом существенными и принятые во внимание при вынесении решения.

Совет АП СПб считает нарушения, допущенные адвокатом Н., существенно значимыми, поскольку они нанесли ущерб авторитету адвокатуры.

Вместе с тем, заключение адвокатом мнимой сделки с доверителем не повлекло за собой причинения ущерба автору жалобы. Критически оценивая действия адвоката Н. в указанной ситуации, Совет АП СПб, тем не менее, не может рассматривать Б.С. в качестве жертвы обмана со стороны адвоката, поскольку, как следует из содержания

Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда «в настоящем случае ни истец, ни ответчик, будучи осведомленными о целях, обстоятельствах, а также сопутствующих рисках совершения оспариваемой сделки, не могут быть признаны судом добросовестными сторонами по ней».

Совет АП СПб отмечает, что дисциплинарный проступок адвоката Н. заключается не в причинении ущерба доверителю Б.С., а в том, что он исполнил незаконную просьбу доверителя и умышленно совершил действия, связанные с несоблюдением закона и нарушением правил (п.1 ст.10 КПЭА).

Как указал Конституционный Суд РФ, юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием отношений или возмещения причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего (Определения от 24 апреля 2002 г. № 102-О, от 23 мая 2006 г. № 146-О, от 21 декабря 2006 г. № 562-О, от 20 ноября 2008 г. № 1034-О-О, от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О).

Исходя из изложенного, при определении меры дисциплинарной ответственности адвоката Н., Совет АП СПб принимает во внимание то обстоятельство, что адвокат Н., в отличие от Б.С., исполнил решение суда о реституции и вернул имущество 04.08.2021. Кроме того, совершение нарушения имело место в ноябре 2018 года, то есть 4 года назад, и с этого момента иных нарушений адвокатом не допускалось; Н. имеет длительный безупречный стаж адвокатской деятельности; у него отсутствуют дисциплинарные взыскания.

При таких обстоятельствах Совет считает возможным предоставить адвокату Н. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», подп. 1 и 6 п. 1 ст. 25, подп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга большинством голосов

решил:

по дисциплинарному производству № 84/2021 признать в бездействии адвоката Н. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) наличие нарушения требований

подпункта 1 пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10, пункта 2 статьи 5 и пункта 5 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения.**

В остальной части дисциплинарное производство прекратить вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.